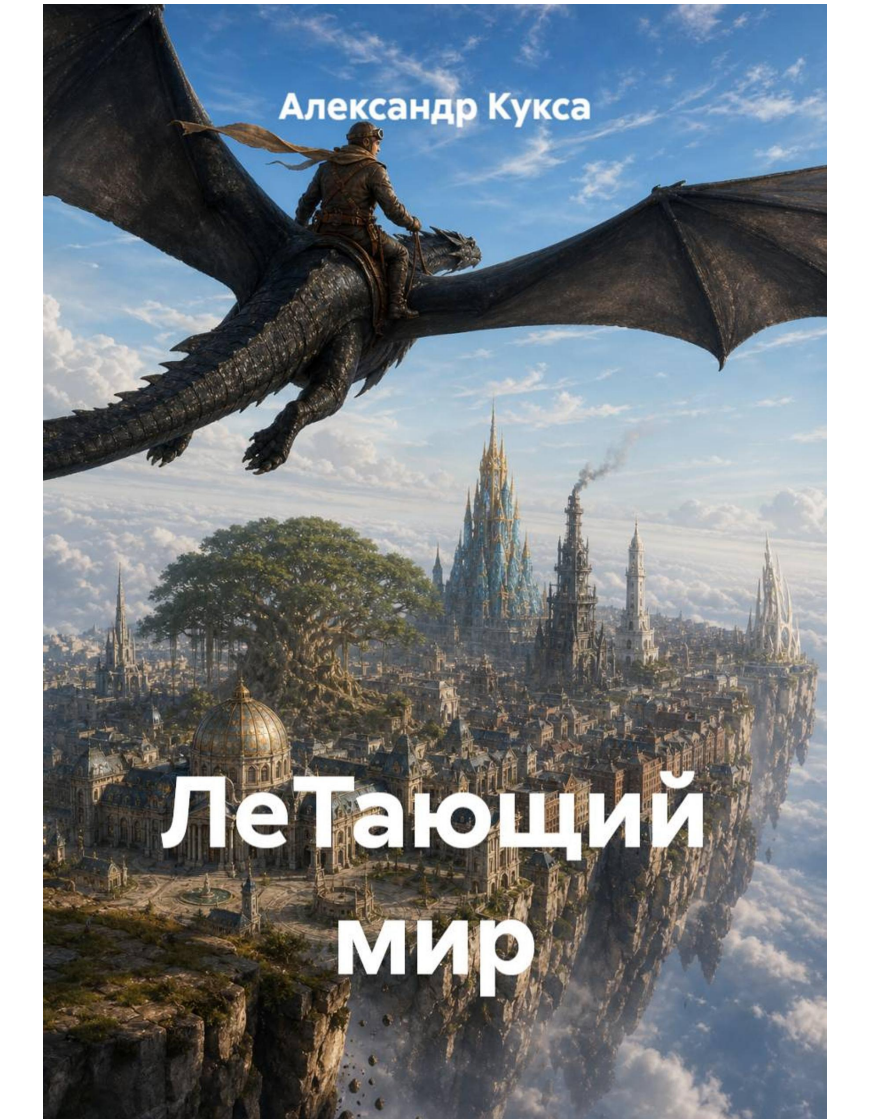

A cinematic scene featuring a rider on a large, dark dragon flying over a fantastical floating city. The city is built on a massive, flat-topped island that floats in the sky, with a reflection visible below. The architecture is highly detailed, with many spires and a prominent blue-gilded cathedral. A large, leafy tree stands on the left side of the city. The sky is blue with scattered white clouds. The rider is seen from behind, wearing a brown leather outfit and a cape. The dragon's wings are spread wide, and its tail is visible. The overall tone is epic and adventurous.

Александр Кукса

ЛеТяющий мир

Александр Кукса

ЛеТающий мир

<https://litres.ru/73847936>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он проснулся на клочке земли, парящем в небе. Без имени. Без прошлого. Без воспоминаний.

Что это за место? Как он сюда попал? Ответов нет. Рядом — провал в небо, странные деревья, холодный родник и тишина.

Его находят, спасают, привозят в столицу — город на обломках мира, рухнувшего пятьсот лет назад. Здесь магия соседствует с техникой, драконы летают в патруль, а в тавернах спорят орки с гоблинами. Здесь можно начать всё заново.

Но с первого дня Макса не отпускает ощущение: что-то здесь не так. Слишком многое не сходится. Слишком много ответов уводят к новым вопросам.

Он не помнит, кто он. Не знает, есть ли у него дар. Но в мире без инструкции для новичков ему придётся отвечать на главный вопрос:

Что, если самое странное в этом мире — не то, что бросается в глаза, а то, что все вокруг считают нормой?

Только не думайте, что знаете, чем всё обернётся.

«ЛеТающий мир» — фэнтези с юмором и загадками, где события обретают смысл только в финале.

Содержание

1.	4
2.	16
3.	21
4.	32
5.	43
6.	47
7.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Кукса

ЛеТающий мир

1.

– Ох, как же у меня рука затекла!

Молодой человек сел на землю и стал растирать затёкшую руку, постепенно останавливаясь и глядя вокруг округлившимися глазами. Его взгляд перескакивал с одного окружающего объекта на другой.

– Я не узнаю этого места! Что за деревья такие чудные? Стоп... Стоп!

Он схватился за голову.

– Как я сюда вообще попал? И как меня вообще зовут? Нииичего не помню...

Он затряс головой в тщетной надежде избавиться от навязчивости.

– А что, если это всё глюк? Один большой красивый глюк? Или сон? Тогда, чтобы проснуться, мне надо себя ущипнуть?

Громко заорав, он начал трясти рукой, которую только что растирал, а потом ещё и ущипнул себя.

– Так, не сон. Значит, я сюда как-то попал, и наверняка отсюда можно выбраться. Так что тогда сидеть? Надо идти к людям, а там, глядишь, и вспомню всё.

Он поднялся с травы, отряхнул штаны и, начав оглядываться, увидел неподалёку холм, который выглядел немного странным, но, тем не менее, это был холм!

– О! С холма и обзор будет лучше! Надо забраться и осмотреться. По деревьям я лазить вроде не умею, хоть с холма гляну, может, разгляжу какой город или деревню, да и выйду напрямиком, чем по этой роще блуждать?

Пройдя метров сто, молодой человек понял, что было не так с холмом, который только что заметил. Между холмом и местом, где он стоял, простирался небольшой провал. Не просто трещина в земле или овраг какой, а самый настоящий провал, шириной всего в метра полтора, но...

– Что за...?

Молодой человек подошёл поближе рассмотреть, наклонился – и его аж качнуло в сторону провала от неожиданности. Лёжа на животе, подполз к самому краю провала и заглянул вниз. Внизу было... Небо! Самое обычное голубое с барашками облаков, которые точно так же, как и наверху, медленно брели по своим делам в одном им ведомом направлении. Он протянул руку с мыслью, что это всего лишь такой ручей, в котором так всё хорошо отражается. Однако над головой облака были совсем другой формы, да и плыли в другом направлении. И, естественно, рука не встретила абсолютно никакого сопротивления. Ни воды, ни чего-то иного. Просто воздух. Поводив рукой из стороны в сторону без всякого эффекта, он сорвал несколько травинок и кинул

в провал. Те, как и всякие другие предметы, оказавшиеся в воздухе, начали падать – всё ниже и ниже к облакам внизу, пока не скрылись из вида.

– Вот это да! Но такого же быть не может! Хотя... Откуда я могу это знать? Я же имени даже своего не помню. Как называются предметы вокруг, хоть помню – и то уже лучше, чем ничего, однако ж... Да лааадно! Быть же такого и правда не может! Я же на земле! Я же не проваливаюсь! Лежу себе на земле и смотрю. Вниз... На облака. Бред какой-то! Может, это и правда глюк? Надо потыкать палочкой!

Он встал и оглянулся в поисках подходящей палки, которой можно попытаться ткнуть в поисках предполагаемого дна.

Найти палку труда не составляло абсолютно никакого: их было навалом у ближайшего раскидистого дерева. Создавалось странное впечатление: судя по громадному количеству старой листвы, высохших веток и прочего хлама, тут никто и никогда ничего не убирал и вообще не трогал, но рошица была проходимой, будто деревья не очень любили расти слишком уж близко друг к другу. Как бы то ни было, палка была обнаружена, и теперь стоило осуществить первый практический опыт с провалом – нащупать дно. Ведь не бывает же так, чтобы дна не было совсем! Итак, сучки, мешавшиеся на палке, были отломлены, и палка приобрела вполне себе приемлемый вид не просто первой попавшейся подобранной ветки, а специализированной палки-тыкалки-в-провал!

С этой гордой мыслью он двинулся назад к провалу, присел на корточки и ткнул в него с видом, который мог бы иметь победитель за секунду до бурных оваций.

В дно палка, наперекор ожиданиям, не уткнулась. Совсем. И даже когда он снова грохнулся на живот и опустил руку в провал по плечо, вытянувшись почти полностью с риском нырнуть туда целиком, палка с завидным упорством дна не находила. В раздумьях он сел на землю рядом с провалом и подпёр голову кулаком. Как-то издевательски выглядело всё вокруг. Будто весь мир вокруг привык к тому, что существует вот такой вот бездонный провал. И всему этому миру было уже почти всё равно на таких вот чудиков, которые впервые видели подобные вещи. Только слишком ехидно шелестели листья, чирикали птички, светило солнце и дул лёгкий ветерок.

Так или иначе, идея залезть на холм продолжала казаться единственно верной. Осмотреться вокруг и, кто знает, может быть, весь этот бред закончится, с трудом успев начаться? В общем-то, не представляет проблему даже просто перепрыгнуть провал, но кто знает, что может случиться с тем, кто его перепрыгивает? Решение подсказала всё та же подготовленная спасительная палка. Уж если она нормально сможет перелететь через провал, то и человек его вполне себе в силах перепрыгнуть, иначе, мало ли какие ужасы могут подстергать незадачливого прыгуна? Может, в этот провал всё сразу засасывается или ещё что похуже?

С такими мыслями он бросил палку. Несмотря на все кошмарные предположения о том, что с ней может произойти, пролетевшие в голове зашуганной стайкой, палка вполне себе успешно перелетела через дырку в земле и успешно приземлилась с другой стороны провала.

– Раз палка смогла, то и я смогу, почему бы нет?

Он попрыгал на месте, разогреваясь – откуда-то пришла мысль, что так и надо делать перед прыжком, разбежался, оттолкнулся обеими ногами и... Как ни странно, приземлился уже по другую сторону провала.

Всё тут было абсолютно таким же, только теперь на пути к холму не было никаких провалов, по крайней мере, на сколько хватало глаз, впереди была небольшая рощица, постепенно поднимающаяся всё выше и выше по склону холма. Никаких тропинок, тропок, проторенных путей и прочего, естественно, не было. Постепенно создавалось такое ощущение, что тут никто не живёт кроме мелких птичек, продолжавших щебетать в кронах больших раскидистых деревьев со светлыми стволами, такими гладкими, будто всю кору с них содрали, а оставшиеся стволы покрыли лаком. Чтобы не тратить время на поиски ещё одной палки, он подобрал старую, которая уже и так выручила два раза, к тому же её длина и толщина позволяла не только опираться на неё при ходьбе, но и расчищать путь от валявшихся веток. В конце концов, палка в руках придавала хоть какое-то ощущение безопасности. По мере подъёма к холму он обдумывал, откуда

он помнит про лак, что это такое и не начинает ли он вспоминать что-то из своего прошлого, помимо слов и названий окружающих предметов. Но на ум больше ничего не приходило, только голова начала болеть. Он переключился на другую мысль, что не мешало бы и перекусить хоть чем-то, потому что подъём на холм – это, конечно, хорошо и нужно, но желудок требует не только поиска пути домой, но и своей наполненности хоть чем-то. Тем более, что не помнились не только события, предшествующие этому странному пробуждению, но и последний приём пищи, а есть хотелось всё больше и больше.

Поэтому в пути теперь бо́льшая часть внимания была уделена поиску хоть чего-то съедобного, будь то плоды, растения или что-то ещё, что может вызвать хоть малейшее подозрение в своей съедобности. Как назло, деревья были одного и того же вида, и никаких плодов на них, ровно, как и на земле, не наблюдалось в принципе. С такими мыслями наш герой и поднялся на вершину холма, хотя на последних метрах склон холма был достаточно отвесным, но, с другой стороны на вершине холма не росло никаких деревьев, что делало вершину холма практически идеальной обзорной площадкой.

Сделав последний шаг, молодой человек поднял взгляд от земли и оцепенел, если не от удивления, то от шока точно. Глаза не увидели никаких обжитых мест. Более того, не было никаких мест вообще. Противоположный склон холма с

парой чахлых кустиков медленно и плавно сбегал к нижнему «небу». Так что, оступившись можно было просто скатиться с острова, который этим самым холмом и был. Если же смотреть назад, то к острову с холмом впритык был тот самый островок, на котором молодой человек проснулся. Больше ничего твёрдого в пределах видимости не было. И только на самом пределе видимости с пологой стороны холма было еле различимое тёмное пятнышко.

Он положил свой импровизированный посох рядом с собой, уселся на холме и стал всматриваться в это кажущееся чужим пятнышко темноты. С тем было что-то не так. Это не было облаком непривычной формы или цвета хотя бы потому что облака постепенно перемещались по небу, какие-то менялись, исчезали, появлялись новые, а пятно не менялось. Менялась только его малая нижняя часть.

Спустя некоторое время наблюдения, когда солнце уже изрядно напекло голову и стоило подумать о какой-нибудь тени, как вдруг пришло озарение. Он вдруг понял, что это за пятно. Это был остров! Аналогичный тому или тем, на котором он сам находился, а снизу, под островом, была его тень, которая пряталась от солнца!

Ну супер! Хоть какая-то хорошая новость! Хотя о чём я? Проснулся неизвестно где, ничего знакомого нет, как меня зовут я не помню, как я сюда попал я тоже без понятия. Сам торчу на холме посреди неба, хочу жрать, голова трещит от солнца, и я без понятия как отсюда выбраться! А я радуюсь какому-то островку, который, быть может, в сотне километ-

ров отсюда! Да я до него ни дойти, ни доплыть не смогу, что мне с него проку-то?! Он раздражённо пнул куст поблизости, и пошёл назад, прихватив с собой палку, которая, конечно же, ничем помочь тут не могла.

Спуск с холма прошёл гораздо быстрее, но в гораздо худшем настроении. Результата ноль, как и перспектив на будущее. Ни ближайшее, ни отдалённое. Есть только головная боль, жажда и голод. Так себе компания. Приходится признать, что на этих двух островах придётся провести если и не всю жизнь, то некоторое время. То ли в ожидании чуда, то ли, судя по жажде, в ожидании смерти от этой самой жажды. А так как умирать не хочется, то надо искать воду или что-то чем её можно заменить.

Непродолжительные поиски в стиле «обшарить всё» уже через пол часа дали результат – с одной стороны холма, где был самый отвесный склон, бил небольшой родничок, который промыл себе в податливой почве маленький водоём – такой, что можно просто перешагнуть. Склоны и дно водоёмчика были выложены мелкими яркими камешками, как будто кто-то специально это всё делал, не столько для красоты, а чтобы вода не размывала всё дальше.

Напившись из родника, он сел рядом на землю и загрустил, всё больше уходя в свои мысли. Так за безрадостными думами он и не заметил, что начало темнеть. Точнее, начал меняться свет вокруг – из обычного привычного, стал превращаться в непривычный красноватый свет. Молодой человек подошёл к краю острова и понял в чём дело – солнце «заходило» за «горизонт», точнее, оно уже зашло. Теперь свет падал снизу-вверх, солнце стало ярко красного цвета, а тени вели себя совсем уже фантастически: вырастали за спиной и тянулись к небу.

Как бы ни был силён голод, он решил, что искать еду в сумерках с риском свалиться с острова не стоит — лучше

поспать и с утра со свежими силами приняться за поиски еды и выхода из ситуации. Не смотря на отсутствие, казалось бы, каких бы то ни было хищников и прочих опасностей, было решено залезть на время ночёвки на какое-нибудь дерево и там, наверху, устроиться на какой-нибудь широкой ветке. Поиск не занял много времени. Преодолев прыжком провал и чуть не оступившись, наш герой практически у первого дерева в рощице заметил довольно удобную развилку веток на высоте метров трёх, где можно было даже с известной долей комфорта улечься на спине почти не скрючиваясь. Как будто бы это место для сна было кем-то заранее выращено и тщательно выровнено.

Забравшись по нескольким «пенькам» от веток в стволе дерева как по приставной лестнице, наш герой уже начал было устраиваться спать, как взгляд упал на листья дерева – большие и сочные на вид, они вызывали невольное слюноотделение «а что, если...». Но на вкус оказались просто преотвратными: горько-вяжущие жёсткие и совсем, даже можно сказать, абсолютно, не съедобные. На столько, что пришлось слезать с дерева ускоренным способом, а именно сплёвывая остатки листа, банальнейшим образом свалиться с дерева и бежать к роднику, слава всему, никуда не девшемуся.

Удивительно, но вода из родника изменила свой вкус: вместо безвкусной холодной воды, ломающей зубы, она приобрела приятный вкус хлеба, размоченного в воде, и сразу исчез вяжущий вкус во рту. Кажется, сок листа, остававший-

ся во рту, при попадании воды так изменил вкус.

Быстро сорвав листок, он его измочалил, намочил водой и аккуратно попробовал на вкус. Действительно! По ощущениям будто размоченная корка белого хлеба.

Нервно и яростно, он стал срывать листья с ближайшего дерева, мочалить в руках, мочить в воде и жадно засовывать себе в рот. Как ни странно, но голод полностью пропал за три съеденных размоченных листка. Сработал инстинкт самосохранения, и он не стал рисковать дальше, заставив себя остановиться. Ведь ещё не известно, как эта листовая диета скажется на самочувствии, может, зря вообще ел.

За время беготни от дерева до родника, стало уже совсем темно, по крайней мере, темнее не становилось. Солнце ушло куда-то совсем вниз, под острова и снизу середину острова уже не освещало. Только из провала прорывалась световая линия, так что не заметить его в общей темноте было сложно. Ориентируясь на силуэты деревьев на фоне неба, он нашёл уже проверенное дерево, забрался на ветку и вырубился, полный впечатлений от прошедшего дня. Во многих смыслах, первого.

2.

Потянулись долгие дни ожидания чего-то. Спасения, пробуждения от кошмарного сна, которым казалось пребывание на этом странном летающем острове. Основную часть времени было решено проводить на вершине холма, откуда было видно остров вдалеке. Если бы это были острова в океане, то, конечно, можно было бы переплыть, зацепившись за какое-нибудь бревно, но там был воздух, а летать деревья могли только вниз, ровно, как и всё остальное. Пути к спасению (кроме полёта вниз) не было никакого и оставалось только ждать спасения извне. Как его ждут потерпевшие кораблекрушение люди.

Что такое ожидание? Это когда ты сидишь и ждёшь какого-то события, которое должно произойти. Как правило, можно ждать «у моря погоды» она, погода, точно будет, но, когда именно, неизвестно. Можно ожидать от человека адекватного поведения. Оно точно должно быть, но тоже пока что-то не намечается. Можно ждать и конца урока, рабочего дня, вечера пятницы. Тут уже известно и что будет и когда будет. Осталось пропустить временной промежуток «от» и дожидаться момента наступления «до».

Но чего можно ждать, когда неизвестно, что ты ждёшь и когда? И как ждать? Если это может случиться каждую секунду, но ты не знаешь, что именно. При этом нервов уходит

всё больше. Потому что «ну же, ну» и «вот, вот сейчас, ну вот через секунду», но что именно? Это можно сравнить с тем, как подростки делают впервые какую-нибудь взрывную штуку, кидают в костёр и ждут за деревьями, что же будет. Просто пыхнет или взорвётся, или ничего не будет? И когда это случится?

Вот так и молодой человек сидел на вершине холма, смотрел в сторону тёмного пятна на почти границе зрения и думал: «А что же дальше?» За ним придут, но как? Кончится вода и он умрёт? Весь островок упадёт вниз и разобьётся?

Каждое утро, проснувшись, умывшись, позавтракав и справив нужду, он садился на холм, смотрел вдаль и ждал. Иногда, для разминки, размахивал палкой, приседал, прыгал и пытался подтягиваться на низко висящих сучьях деревьев. Палка, подобранная в первый час после первого пробуждения, уже превратилась во вполне себе полноценный посох, отполированный ладонями до идеального состояния. Одежда, от случая к случаю, стиравшаяся в лужице, натекающей неизвестно откуда воды, стала превращаться в лохмотья, но была ещё вполне себе нормальной.

В очередной раз, сходя к источнику воды освежиться, он посмотрел на своё, зарастающее щетиной лицо. Сколько уже прошло времени? Неделя? Месяц? Два? Что он помнил точно, так это то, что он никогда ещё не видел такой длинной щетины и настолько загорелого своего лица. Да и, как ни странно, фигура тоже изменилась. Жирка убавилось, мышц

прибавилось. Он взъерошил мокрые волосы, отражение сделало то же самое.

– Ну и что ты ждёшь? – Спросил он у своего отражения. – Надо же что-то делать? Как-то выбираться? Махать руками и кричать? Но кому? Ты здесь продержишься какое-то время. Ещё неделю? Или год? А что потом? Ну проживёшь ты этот год. Максимум... Максим... МАКСИМ! Это же имя. Это же очень знакомое имя!

Он вскочил на ноги, подхватил посох в правую руку, широко развёл руки и глядя в небо заорал:

– Маааааакс!!! Меня зовут МАКС!

Безудержный смех раздался среди деревьев, но свидетелей ему не было никаких, кроме щебечущих птичек. Вспомнивший своё имя Макс одёрнулся, будто опомнившийся и смутившийся перед неизвестной аудиторией увлечённый лектор, перехватил свой неразлучный посох поудобнее и потопал на склон холма. Ждать.

Ни в этот день, ни в последующие ничего не произошло. Всё так же шли дни за днями. Строгое расписание: сон-еда-туалет-ожидание-разминка-еда-ожидание-разминка-сон. По времени ориентироваться получалось только на солнце. Точнее, на его положения: на уровне глаз с утра, вверху, на уровне глаз вечером и внизу. Когда солнце было внизу, на островки наползала тень снизу и всё виделось в тёмно-красном свете, а днём – в обычном. Вот и вся смена суток.

Кроме своего имени Макс не вспомнил, по сути, ничего

из прошлого. Какие-то отрывки, будто через мутное стекло, что он себя видит со стороны, слова, термины и общие понятия, что надо есть, пить, понятие гигиены, какие-то поведенческие рефлексy. Умение читать и писать тоже осталось, и он вначале даже пытался отмечать дни на одном из стволов деревьев, делая насечки камешком, но потом и это бросил. Смысл, если через пару дней уже и не разглядеть, какая из царапин свежая? Только на посохе старательно выцарапывал своё полное имя все долгие часы, когда сидел на склоне холма и ждал.

Ждал неизвестно чего, мысленно называя это «спасением». Ждал, жуя размоченные размочаленные листья деревьев, и смотрел вдаль. Ждал и пытался определить на вид, не «подплыли» ли те тени на горизонте ближе. Ждал сидя под кроной дерева во время коротких и тёплых дождей. Ждал, смотря на звёзды, лежа на уже такой обжитой развилке веток. Ждал, умываясь по утрам и разминаясь. Одним словом, ждал чего-то или кого-то, кто бы пришёл и «спас» его отсюда.

Пару раз, когда ожидание становилось неважноту, он, конечно, думал прыгнуть с холма и, расправив руки, полететь. Хотя бы вниз. Чтобы хоть ненадолго ощутить свободу от этих двух островков, покачивающихся в бездонном море неба. Но потом резким взмахом головы он отбрасывал эти мысли вместе с волосами, закрывавшими уже глаза, и продолжал ждать неизвестно чего, но со всё более нарастающим

раздражением. Ему иногда казалось, что в тот момент, когда за ним придут (а он был всё более уверен, то за ним придут, рано или поздно, так или иначе), он не бросится на своего спасителя (спасителей?) с распростёртыми объятиями, а, сложив руки на груди, спросит: «Чё так долго?»

Иногда он даже смеялся вслух, представляя себе ситуацию, как спасатели со всех сторон высаживаются на остров, радостно кричат: «Вот он! Мы нашли его!», а спасаемый только бурчит: «Вот ещё, припёрлись, не могли пораньше, что ли, чё так долго? Вот и идите по домам, я тут страдать дальше буду в одиночестве». Но, конечно же, он так не собирался говорить. Но почему бы не помечтать? Но всё чаще темнота отчаяния брала верх. Если сначала отчаяние похлопывало по плечу, то сейчас уже сидело на плечах и тоже безучастно смотрело на тень вдалеке, опираясь локтями на самое темечко. А время шло... Хоть и казалось, что стоит на месте, потому что ничего, кроме положения солнца и длины волос, не менялось.

3.

Резко на вдохе он открыл глаза. Ночь. Темно. Тишина. Ничего не происходит. Полная абсолютная тишина. Ни ветра, ни шелеста листвы, ни сонного подчиркивания так и не увиденных птиц. Всё тот же красноватый свет, освещающий только верхушки деревьев и больше ничего. Может, что-то приснилось? Да нет, всё было нормально. Что-то услышал? Да нет, ни звука, да и сейчас всё тихо. Судя по тому, что освещаются самые верхушки деревьев, сейчас глубокая ночь и можно ещё спать и спать, но ведь что-то разбудило? Аж сердце колотится так, будто только что закончил бежать марафон. А ведь ни звука... Точно! Птицы обычно не замолкают! Они ночью намного меньше чирикают, но всё равно! Сонно попискивают, а сейчас абсолютная тишина. Слышно, как стучит сердце о рёбра, будто хочет окончательно разбудить или вырваться и убежать. Так что же...

– Ну? И долго ты тут будешь лежать, словно принцесса на балу?

Макс чуть не рухнул с ветвей! Голос! В его голове голос!

– Ты глухой или прикидываешься дурачком? Вздрыгнул же от голоса. Не спишь, не глухой, понимаешь речь. Молодец. Осталось слезть и поздороваться со спасителем, поклясться в вечном служении, исполнении любого каприза, трёх желаний, семи грехах, а, нет, наверняка я что-то путаю.

Слазь уже!

Макс настороженно посмотрел вниз. На земле в паре метров от его ветки стоял силуэт, вполне себе материальный, судя по всему, одетый во всё тёмное с ног до головы, а на голове что-то блестело. Очки?

– Давай, давай, налюбовался? Встань передо мной как дерево перед травой!

– Гхм, как лист перед травой, вроде? И принцессы на балу не лежат.

– Ого! Умничать умеет, а здороваться нет?

Макс практически свалился с дерева, но всё-таки приземлился на ноги. Перехватив посох, попытался изобразить поклон, отведя руки за спину.

– Приветств...

– Эй, эй! Давай-ка! Без боевых поз!

– Но это же я поклониться немного хотел...

– А, ну ладно, но незачем. Потерялся? Не помнишь, кто ты, откуда, а только обрывки? Имя-то знаешь своё?

– Имя – да, меня зовут Макси...

– СТОП! Стоп-стоп-стоп! Не говори прыг, пока не согласишься, ну или как-то так. Твоё имя – это твоя собственность. Первому попавшемуся его нельзя говорить, говори кличку, пароль, кликуху, погонялово, что угодно, но не имя, которое тебе досталось из твоего прошлого. Не спрашивай, почему, просто прими.

– Как так? А как же мне представляться? Вроде: «Эй, при-

вет! Меня никак не зовут, и вы никак не зовите?»

– Да как угодно, лишь бы сам потом отзывался. Вот я тебя нашёл на дереве, висел тут, как груша какая несъедобная, вот и будешь теперь Грушей. Ну или сидел на сучке, Сучком, может, будешь? Чем не имя? «Эй, Сучок, подь сюды, чё скажу!»

– Что-то не очень. Может, просто, Найдин? А что? Ты меня нашёл, искал или нет...

– Искал, искал, не тебя, а вообще, но нашёл. Будешь Найдиным. Ну, так что? Где же это «Спасибо, могучий всадник, ты меня спас от смерти в одиночестве и прочая лабуда спасённого, истосковавшегося путешественника фиг знает откуда, сюда»?

– Ох, спасибо, могучий всадник, ты спас меня от смерти в одиночестве и про... Стоп, нет, и правда, спасибо тебе, но. Всадник? Что-то ты не на коне. Издалека скакал?

– Ну да, зови меня Всадник, очень точно передаёт суть, а вот на коне не сидел. Ну, всадник, наездник. Такие как ты нас ещё лётчиками называют. Слышал такое слово? Оно от слова «лететь»!

– Лётчик? Слышал, даже, вроде, как-то это же само... самополета, самоперелёта, что-то такое, ох, голова заболела. – Макс даже приложил руку к голове, реально затрепавшей от рвущегося наружу знания слова и даже образа какой-то гигантской птицы из железа(?!), летящей высоко в небе.

– Не-не-не-не, не пытайся вспомнить! Второе правило, ес-

ли что-то вспоминается, то не дави это из себя, само придёт! Будешь насильно вспоминать, будет больно, очень больно. И тем больнее, чем глубже это воспоминание. Имя, названия окружающего, как есть и как дышать, помнят почти все. Что-то дальше и глубже – нет. Почти никто. Так и живём. – Всадник подошёл ближе, протянул руку и приподнял Максу голову указательным пальцем за подбородок, всматриваясь в лицо.

Макс всматривался тоже, боль, как только он перестал вспоминать слово, сразу отступила, а вот всадник вызвал удивление. Он был одет в кожу с ремешками и какими-то вставками, вроде как у мото... всадников из прошлого, кажется, это называлось «черепашка», что бы это слово ни значило. На груди была большая пластина тёмно-матового цвета, к ней крепились ремешки на кольцах и уходили за спину. Там, видимо, была такая же пластина, закрывающая спину. Локти, плечи и колени закрывали меньшие пластины. На бёдрах были такие же пластины, ещё ниже – высокие сапоги с опять же носками из того же материала. На голове был плотный кожаный шлем, больше похожий на облегающую шапочку. Свободными оставались только рот, нос и глаза. И то – маска для лица болталась на шее, такая же чёрная и кожаная, а защита для глаз – на лбу. Это были самые настоящие... Очки?

– Ага. Налюбовался? – Всадник отшагнул, рисуясь приподнял руки. Прикоснулся к очкам. – Очки. Слышал такое

слово? Последняя разработка! Глаза защищают от ветра!

– Очки? Слышал. От ветра? Тут нет никакого ветра.

– Ох, ты смешной. Тут нет, там есть, а где-то слишком много. Идём уж, Найдёныш, покажу тебе диво дивное, чудо юдное.

– Чудное. Нет?

– Ай, как скажешь. Никогда не был силён. Всё равно никто не мог целиком вспомнить эти ваши... Скаааазки. – Сказал Всадник, передразнивая что-то в своей памяти. – Посох не забудь, колдунец-кладенец.

– Да какой же это колду..., впрочем, ладно, конечно, беру. – Макс подхватил посох, и поспешил за Всадником, который уже шагал к холму широким шагом знающего человека.

Звуков скудной природы так и не появилось. Штиль ночью это нормально, но вот голосов птиц не было слышно совсем и это нервировало. Будто притаились.

– А, кстати, куда делись птицы?

– Птицы? Спят, наверное, тебе-то что?

– Ну они ночью раньше тоже шумели, меньше, но шумели.

– А! Так бояться! Тут же как дела. Кто больше, тот страшнее. Так вот они и это. Знают, шестки, чьи сверчки.

– Наоборот же...

– Ай, как скажешь, они боятся, они маленькие, а он большой. Что непонятно? – Всадник перепрыгнул границу между островками походя, будто просто шагнул широко.

– Кто «ОН»? И почему большой?

– Вот ты ж непоседа! Ну подождать же десять шагов! – Всадник быстро взбежал на холм, на вершине взмахнул руками и крикнул, – Есть один! Будет нам премия!

– Да кто же там?.. – Макс поспешил на холм и...

С отвесной стороны холма, вцепившись в него лапами, висел громадный чёрный силуэт, закрывающий свет ночного солнца и внимательно смотревший на Макса своими большими зелёными глазами. При этом взгляд был вполне осознанный и преисполненный искреннего любопытства.

Но Макс от этого легче не стало. Он настолько резко остановился, что обувь вгрызлась в землю, и попытался сра-

зу рвануть прочь, куда глаза глядят, лишь бы не превратиться в поздний ужин или ранний завтрак для этой твари. Однако сильная рука всадника, бывшего наготове, его резко остановила.

– Отставить панику! Хар-Луу ещё никого из людей не съел. Он большой, да. Он же дракон, да. Раньше ты таких не видел, знаю. Вот это громадина. Да. И он тоже в курсе, что он громадина. Более того, если ТЫ не в курсе, он вполне понимает нашу речь и разговаривает. – Сказал Всадник, подумав, чуть тише добавил: – Иногда слишком часто и много.

– Приветствую тебя в нашем мире, о, вновь прибывший! Не бойся, я и правда никогда не ем людей! – Сказал дракон и, немного церемониально изогнув шею в приветственном кивке, добавил, – Зови меня Хар-Луу, именно так меня зовут люди.

– П...п...Привет! Яааа Ммммаааа Найдин. – Макс с трудом выдавил эти слова, потому что языком было совладать чуть легче, чем с трясущимися поджилками, инстинктом самосохранения, желанием жить, при этом жить где-то очень далеко от этой громадной горы с умными глазами и, вероятно, бездонным желудком. И громадной пастью, а уж зубами такими, что может и деревья вместо зубочисток использовать, а овечками как салфетками рот промакивать. Макс заставил себя не представлять картины поедания себя этим драконом, это получилось с трудом, но хоть как-то мысли получилось отдалить на задний план сознания. В это же время Всадник о

чём-то оживлённо разговаривал с драконом, размахивая руками и нервно расхаживая по вершине холма.

– Да он же не сможет на тебе лететь! Он боится тебя, это раз. Два: он даже не представляет, что такое полёт на драконе. Три: даже если убедить сесть, и мы взлетим, то он сорвётся. Его же ветром сдует, а твоя любовь к трюкам с фразой: «Смотри, как умею!» уже заставила не один десяток найдёнышей поседеть раньше времени. – Дракон смущённо следил за перемещением Всадника и даже, кажется, немного улыбался.

– Я же не виноват, что у них первое впечатление хочу создать. Мне кто-то из них даже сказал, что этот трюк называется Мёртвая Петля. Помнишь, он ещё не то, что не обделался, а даже усмехался, что я медленновато её делаю? Ну красиво же! А они почему-то только орут.

– Харя, Хар, Харочек, ну ты издеваешься, да? Ты посмотри на него. Даже если мы прилетим и доведём его целым, то что будет? Он будет седым, ты – мокрым и вонючим, я – злым. И нам ещё и не поверят, что он парень молодой. Скажут, привезли бородатого старца, премию урежут. А я же не виноват, что таких мало!

Макс почувствовал, что у него начинает отвисать челюсть. Страх быть съеденным окончательно отступил, появился страх быть улетевшим вниз. Даже несмотря на то, что ещё вчера это казалось в принципе одним из решений проблемы нахождения на этих двух островках.

– Вы меня что? Куда? – Макс даже забыл про то, что он заикался минут десять назад. – На спине вот этого? – Макс безапелляционно и вполне невежливо ткнул пальцем в сторону дракона. Впрочем, быстро опомнившись, он быстро опустил руку и покраснел.

– «Вот этого» зовут Хар-Луу. – С небольшой обидой в голосе сказал дракон. Из носа показалась струйка дыма. – Я даже, вроде, представился. И не на спине, как я крыльями махать буду? На шее полетите.

– Но я. У меня. Я это. Не могу. Как я буду держаться? Куда мы полетим?

– Ой, ладно тебе, Най, я же летаю. – Всадник попытался морально поддержать, но потом опомнился. – Да! Хар, как он полетит? Экипировки нет, страха полные штаны, а если опять ветер? А если ты, не смотря на все обещания заложишь петлю свою любимую? А если ещё и со струёй пламени? Что он будет делать? Он не дракон, он вниз полетит сразу!

– Я его подхватчу ртом тогда, да и полетим дальше, что он, упадёт, что ли, куда-то дальше неба?

– Нннннне надо меня ртом того, этого, я невкусный!

– Тьфу ты. Опять ты за своё. Вкусный, не вкусный, не веришь, что не ем людей, ну, считай, что я болею. У меня, может, от таких как ты, несварение или что-нибудь вроде. Может же такое быть? Только не трясись ты так.

– В общем. Я решил. – Всадник резко остановился и стал

покачиваться с носка на пятку, рассматривая наклейки на тыльных сторонах ладоней. – Хар, я тут останусь, а ты слетай на ближний остров. Там в кроне мы, если помнишь, пару лет назад оставили экипировку от одного найдёныша. Он ещё лазил хорошо. От тебя по деревьям убежал тогда и ловко так карабкался по отвесному склону того острова, будто, хаха, рождён ящерицей был? Вот и настало время для его тросиков и канатиков. Он всё равно уже сделал себе давно всё лучше и из наших материалов, да и наукой больше занимается. А я тут подожду, новенькому расскажу, что да как у нас тут, глядишь, и решит что-то в жизни для себя.

– Так, а что дальше? Ну возьму я экипировку, даже помню, какое дерево там, а что толку? – Дракон по-кошачьи изогнулся и задумчиво почесал за костяным наростом на том месте, где у людей обычно уши.

– Вот ты ж ящерица крылатая! Троооооосы там и каннаааааты. Мы ими и привяжем к тебе новенького, чтобы не улетел никуда с тебя, а он за спиной моей спрячется от ветра, так и долетим.

Хар-Луу кивнул, оттолкнулся от склона холма всеми четырьмя лапами, перекувырнулся через голову в падении назад, расправил крылья с громким хлопком туго натянутой ткани и очень быстро стал удаляться в полумраке света, идущего снизу в сторону тех тёмных силуэтов, что были на пределе видимости столько времени.

– Ну вот и началось снова наше ожидание, а, Найдин? Дав-

но сидишь тут? Как с водой, едой? Разобрался? Есть хочешь?

4.

Макс, а точнее, Найдин, почесал голову, потянулся, зевнул и, обхватил себя за плечи руками (всё-таки на рассвете было не то, чтобы очень тепло, да и от нервов потряхивало).

– Пил из лужи с камешками, а ел листья. Голода-то нет, но и разносолов тоже нет. Ты мне лучше скажи, как я тут оказался, откуда и почему не помню ничего? Да и незнакомо тут всё. Тот же дракон! Никогда таких зверюг не видел! Хотя и не помню ничего, но уверен, что этого зрелища ещё не испытывал!

– Да тут такое дело. – Всадник сел рядом на склоне холма – Люди говорят, что такие как ты просто появляются. В основном, спящими. На таких вот островках, в относительной дали от всего. И ничего не помнят из своего опыта и практически ничего из специфического опыта. Кто-то больше помнит, кто-то меньше. Кто-то и говорит-то с трудом. А в целом, слушай. Тут такое дело...

И Всадник стал рассказывать, сидя рядом и эпизодически поглядывая на лицо Найдина и наблюдая, как по нему бегают такие знакомые эмоции. Такие же, как и у каждого "проснувшегося", точь-в-точь.

То ли умники, то ли старики, то ли народная молва говорит, сейчас уже и не разобраться, но раньше мир был целым. Представляешь? Можно было идти и идти в одну сторону

или даже лететь и всё время по земле! И не по кругу, а прямо! И никаких провалов, никакого неба внизу. Только земля снизу, а сверху – небо.

А потом что-то случилось. И стали появляться трещины в земле, откуда бил свет, шёл пар и вообще всё тряслось. Иногда. А иногда это всё прекращалось и снова становилось как раньше, да не так. И кто-то стал говорить, что маги то ли решили воевать по-крупному друг с другом и это отголоски их битв, которых никто никогда не видел вживую (но на то они и маги, а не дураки, чтобы ещё и свидетели их битв были). То ли планета стала дышать как живая из-за какого-то могучего заклинания, то ли просто мир взбунтовался против всего в целом и по отдельности, но так или иначе, маги, отрицавшие свою причастность к трещинам этим, объединились и стали думать, что делать и пытаться провидеть будущее. Проводили советы, слёты и даже конференции. Трясли бородами, стучали посохами и спорили, спорили, спорили... А потом. Потом они бледные и в панике носились кто как мог по всему миру и требовали помощи. От царей, императоров, знатных, благородных, просто известных людей и не только людей, до простых крестьян и рабочих всех известных рас и народов. Пытались убедить, что мир скоро весь рассыплется в прах и надо его скреплять. Но всем было ну как-то... Плевать, что ли.

Те, кто был у власти, говорили, что если они погибнут, то и всё равно, а если сосед, так и даже и лучше будет. И так по-

чти у всех. Эльфы говорили, что Вечный Лес стоял миллионы лет и простоит ещё столько же. Гномы хмурились, обнадёживающе хлопали магов своими могучими ладонями по... ну, куда дотянулись, там и похлопывали, говорили, что под горами и похуже бывало, но ничего, горы как стояли, так и стоят. Гоблины предвкушали добычу. Огры... Да что огры? Мир их прост и чист. Все их собеседники не-огры делились на три вида обеда: обед; опасный или быстрый, но, в общем, труднодостижимый обед; и те, к кому они сами могли попасть на обед. Хорошо, магов они причисляли к последним двум видам своей обеденной систематики и предпочитали не трогать и не связываться, магам же их мудрецы (как самые невкусные, по мнению самих огров) сообщили после долгого совещания в кругу огров: "Вы нас не едите, мы – вас." На этом переговоры зашли в тупик. Как и с драконами. Как и со всеми теми, кто жил здесь ДО и обладал хоть толикой разума (или успешно делал вид, что обладал).

А потом трещины перестали исчезать. А стали расширяться. Земля ходила волнами во всех направлениях. В трещины всасывало воздухом всё, что было плохо закреплено. В том числе и разумных. Языки пламени, вырывавшиеся из провалов, слизывали то, что не всосали трещины. Вечный Лес и Горы Гномов держались долго. Очень долго. Несколько лет держали корнями мир, а пока они держали мир под грохот и шум заклинаний, песен, молитв, звон наковален, зазывание диких животных, маги с печатью ужаса и паники на лицах пытались скрепить мир заклинаниями. Но их многие проклинали и нападали на них, думая, что это они наоборот всё и творят, что это их рук дело, ведь там, где они жили, в

зависимости от их могущества, таких разрушений не было. Народу ж невдомёк было, что маги свои владения укрепили в первую очередь. Многие уже при первых трещинах, а не потому, что они хотели всех убить. Да, чуть позже самых рьяных противников магов поубавилось (кто сам прыгнул в трещину, кто сгорел, кого всосало, кто вступил в культ апокалипсиса и сам себя сжёг на краю трещины чтобы ускорить приход кого-то, в кого они там быстро стали верить). Тогда все, наконец-то, как будто очнулись и поняли, что маги пытаются спасти весь мир, оплетая его своими заклинаниями, как бондарь набивает стальные кольца на бочку.

Первыми стали помогать драконы – они до изнеможения носили магов на шеях в самые напряжённые точки Мира, эльфы и гномы, как выяснилось, не закрылись у себя, а помогали своей магией у себя "дома" укрепляя как могли свои леса и горы. Потом и другие расы тоже стали помогать. Те, кто выжил, кто мог хоть чем-то помочь. Да много ли сделаешь за несколько лет, когда планета расплывается и рассыпается, как сказали маги, на куски? Поздно спохватились все, да и было ли бы оно это "вовремя"?

И вот, однажды... Ослепляющая вспышка и оглушающая тишина ознаменовали новый этап. Мир исчез.

– Как это? Исчез? Куда?

– Ой, да ты слушай, слушай. Хочешь настоечки? Нет? Ну как знаешь. – Всадник достал флягу, отхлебнул из горлышка и продолжил:

– Исчез тот мир, что все знали тогда. Не стало его. Остались куски земли, что висели в воздухе. Те куски, которые маги и пытались как-то скрепить между собой и оставляли в них якоря. Чем больше было могущество и сила того, кто оставил якорь, тем больше и был летающий остров. Разумеется, там, где были моря, пустыни или просто никто не жил, маги оставляли меньше якорей. Просто смысла не было или не думали. Или не в приоритете. Пытались скрепить то место, где жили разумные. И чем плотнее было население, тем больше. По крайней мере, так рассказывают. Исчез Великий Лес почти весь. Исчезли горы. Как говорят, оставшиеся эль-

фы и гномы, не потому что их плохо закрепляли, а потому что сами леса и горы были живыми и отдали часть своих сил магам. А маги и не спорили с этим, то ли правда так, то ли обиделись за то, что те им не помогли с самого начала.

Но, как бы то ни было, все, кто не сошёл с ума первые годы, кто не умер от голода и жажды, кто не упал случайно (или специально) с острова, те начали подстраиваться под новый мир. Кто-то как отшельник начал жить, ну или маленькими общинами, кто-то, кому, наверное, повезло больше всех, остался на островах с городами и прилегающими местами. Там хотя бы жить было где. А потом произошла ещё одна, как такие как ты говорят, революция.

Выяснилось, что между островами можно не только летать на драконах. Раньше охота на драконов была очень почётной профессией (правда, охотники на трофеи были для драконов едой, ну да про это они сделали вид, что тоже забыли). А тут драконы объявили, что впредь и после пережитого, они питаться разумными не будут, мол после пережитого, чувствуют небывалое единение со всеми оставшимися разумными. Вот как-то так и начали помогать с сообщением между островами и иногда кого-то спасать, особенно помогли всех перенести с мелких островков на крупные. По крайней мере, тех, кто согласился, не падая в обморок. Так вот. Выяснилось, что некоторые выжившие и их потомки и попавшие к нам откуда-то ещё, умеют находить тропы между островами.

– Как это? Там же воздух!

– Воздух, да не совсем воздух. Слушай дальше. – Всадник скривился, будто стал читать по учебнику заученный материал:

Якоря, которые не дали провалиться островам не просто так называются, маги предполагали закрепить якоря, а потом стянуть их магией друг с другом. Ну как нитками заплатки. Или тросами. Или верёвками. Вот так же и тут. Волшебные тросы. Где-то гигантские широкие, где-то и правда нитки. Но так или иначе, их могут почувствовать Ходящие и перенести за собой, след-в-след, других, кто не видит и не чувствует троп.

Макс усмехнулся:

– А, так всё просто! Ну разметить, где тропка эта идёт, да и ходить спокойно.

– Умный прям хоть стой, хоть наливай. Не работает так!

– Как это?

– А вот так вот. Умных таких поубавилось сразу же как Ходящие стали появляться. Примечали, где и как прошёл он, да пытались повторить... В общем, крик летящего вниз человека слышно минуты две. Потом – нет. То ли выдыхаются, то ли уже всё. Но драконы говорят, дна там, внизу, нет. По крайней мере, дракону не хватает сил долететь. Да и верят им. Не будешь же ты спорить с тем, кто летать, в отличие от тебя умеет не только вниз? А то ведь могут и отправить вниз проверить глубину.

А вот тропы между островами всё время меняются. Как несильно натянутые тросы – то проседают, то поднимаются, могут изгибаться, а тогда даже острова друг к другу притягиваются, но в целом, держатся на месте, по крайней мере, друг относительно друга. Вот тут, видишь, где мы сидим? Два островка рядом, такое бывает. То ли маг тут решил два якоря скинуть, да стянуть, то ли просто два мага, разных по силе, кинули якоря почти в одно место. Вряд ли мы узнаем правду, столько лет прошло...

– А я? Я-то откуда взялся?

– А вот это сложный вопрос, – Всадник опять отхлебнул из фляжки:

Ещё чуть позже Ходящих, на сколько – никому не было дела это отслеживать, появились такие как ты. Мы, местные, вас проснувшимися называем. Не то, чтобы это было оскорбительно, мы тут все спим ночами, ну или когда захотим... В общем, вы другие. Засыпаете где-то "там", а просыпаетесь тут. В этом мире. Скорее всего, в том и с тем, что было на вас в момент засыпания. Кто-то голый, кто-то в пижаме, кто-то в экипировке, в общем, кто как. Если с чем-то в руках были, то с этим и проснётесь. Вот только вы как дети тут. Ничего не помните, ничего не знаете, что-то смутно помните. А как начинаете напрягаться вспомнить, так голова болеть начинает. Вот и получается, то ли дети, то ли с похмелья, то ли после долгого сна. Вы и есть – проснувшиеся.

У ваших даже гильдии есть и факультет Магического Уни-

верситета, Техномагическим называется. Там те, кто себя привык называть учёными. Сидят, кряхтят, морщат лбы, скрипят от боли черепами, силятся вспомнить. Вот моя экипировка как раз их воспоминание. Более-менее. По смутному образу, щупательному подобию и обрывкам воспоминаний эффективности.

Так вот, проснувшиеся учёные считают, что вы в своём мире заснули и этот мир вас сюда как бы всосал. Как и почему? Непонятно. Есть мнение чтобы восполнить население тут и уменьшить там. Ещё по одной теории, что переход этот вы делаете за мгновение до смерти там. Кто-то молодым умер из-за сердца, кто-то от пули, кто-то во сне. Но умирать не хотел и силой воли, то ли своей, то ли ещё чьей, переместился сюда. Жить дальше. Ещё по одной теории, а она мне больше всех нравится "Потому что так случилось, вот почему!" Она вообще универсальная.

И, да, отвечая на твой вопрос, который уже готов выпасть из твоего открытого рта, я НЕ знаю как попасть назад, никто не знает, ни у кого нет ответа на этот вопрос. Многие ноют что-то вроде "пустите домой к маме", но не могут даже сказать, какая она была, эта мама. Потому что не помнят!

Но вот зато каждый, вообще каждый попавший сюда отсюда может тут помочь миру. И что-то сделать для него. Просто иногда вспомнив. Как мой костюм. Как то снаряжение, которое Хар уже сюда, я надеюсь, несёт. Как те механизмы, что вспоминают ваши проснувшиеся учёные и потихоньку

совершенствуют, основываясь на оставшихся мутных образах в своих трещащих от боли черепушках.

5.

– Ну что ж, вон и Хар уже сюда с верёвками летит.

Всадник поднялся с земли, стряхнул с себя невидимые соринки и потянулся.

– погоди! А что мы делать-то дальше будем?

– Ах, да. Главный вопрос. Ты же не хочешь здесь провести остаток свой жизни и не нюхнуть пороху приключений?

Макс замотал головой.

– Тогда сейчас Хар Луу долетит, мы тебя обяжем как молодого барашка страховкой, закинем к нему на спину, я сяду тоже и полетим тебя сдавать на руки.

– Кому?

– Не то, чтобы кому, а куда. К моим. Я из службы поиска и спасения. Мы ищем таких как ты и сдаём на руки нашему начальству для отчётности и премирования нашедшего. Ничего особенного. Тебя учитывают, что ты есть, смотрят, что не псих и, в принципе, всё. Дальше ты свободен и волен. Ну, если только не захочешь остаться в службе спасения чтобы как я летать и спасать проснувшихся. Но, мой тебе совет, попутешествуй. Поймёшь, что тут и как. Определишься с планами. Может, в себе какие таланты раскроешь.

– Всё что я умею это пока дышать и то, что-то не всегда получается при виде драконов.

– Хах, это не страшно! Ты пока что как маленький ребё-

нок тут. Они тоже писать не умеют и букв не знают. А потом как-то начинают уметь. Обучаются же. Так и ты. Кто знает? Может, вспомнишь что полезное. Может, станешь Ходящим, может – магом, волшебником-то родиться надо. А, может, в разбойники подашься. Но предупреждаю! Драконы разбойников разумными не считают. Потому что надо быть полностью без мозгов в таких условиях грабить или убивать других разумных. А поэтому их правило не есть разумных, на разбойников не распространяется. Конечно же, дракон не появится сразу из ниоткуда, чтобы сожрать тебя, но, если попадешься на чём таком, то отвертеться сложно и приговор обычно один. "На завтрак". Чтобы хоть так послужить на пользу обществу. Так что не советую.

– Так как я дальше буду путешествовать? Тут же куски земли в воздухе! Как мне с острова на остров попасть? Завести своего дракона?

– А, это проблема решаемая. И не самая большая. Узнаешь. Всему своё дело, а времени – час.

– Наоборот же.

– Ой, ну ты понял. Я не силён, говорил же.

– Так зачем тогда говоришь пословицы если не помнишь их?

– Нравятся они мне. Стоит за каждой какая-то история. Скрытая головной болью тысяч людей. Вдруг кто вспомнит? Ладно, Хар уже на подлёте, так что готовься. И, да, посох свой бери с собой.

– Да что ты так к нему прицепился? Не посох это, а палка длинная, мне просто с ней удобно было, а потом привык.

– Ага. Привык и удобно. И сидел всю беседу оглаживал, да так что и сам не заметил. А она уже вся отполирована. Бери, говорю, в офисе глянут и расскажут.

В это время дракон уже заходил на посадку: выдохнул вверх небольшую струйку огня, бросил на землю какие-то тросы и, выставив лапы, плавно взмахивая крыльями, медленно приземлился на траву. Заинтересованно изогнул шею посмотрел на Макса, который уже не так испуганно смотрел снизу вверх на него.

– Ну что, бескрылый человек, готов ощутить то, что тебе природа не дала и возрадоваться свободе полёта?

– Да я это ну вот как бы это вот...

Всадник незаметно пихнул его локтём и кивнул головой.

– Да, могучий Хар! Я готов испытать полёт!

– Вот и правильно, работает у тебя голова, молодец, сориентировался, а то я бы обиделся и не полетел бы.

Макс удивлённо посмотрел на Всадника, который странно трясся и фыркал.

– Да нет, всё нормально, забыл тебя предупредить, они очень гордятся тем, что они единственные из всех разумных практически с вылупления из яйца, умеют летать без всякого волшебства и приспособлений. Поэтому вот так и любят спрашивать, а им должны с восторгом отвечать.

Хар Луу прищурился:

– Я ещё раз тебе напоминаю, что я этой твоей речи не слышал и не хочу слушать. Вот не говори так больше, а то если я опять её не буду слышать, то обижусь всерьёз. Ладно уж, давай приматывать новенького к моей могучей спине, мощным чешуям и достаточно-надёжной-должна-выдержать-сбруе, которую опять придумали и пытаются протестировать те умники из Университета.

6.

Среди облаков тень начала плавно расти в размерах. Сначала стало понятно, что приближающийся остров просто громаден. Чуть позже Макс понял, что словом остров это не совсем точно было бы описывать. Скорее, это был громадный материк. Хар-Луу продолжал мерно взмахивать крыльями и время от времени оглядываться на Макса и всадника. Иногда Максу казалось, что дракон улыбается, а иногда что смотрит выжидающе. Однако лететь было гораздо интересней и увлекательнее, чем следить за эмоциями дракона, потому что Макс подозревал, что драконов он ещё насмотрится, а вот первый прилёт на настолько громадный остров у него будет всего один. Поэтому Макс, вцепившись в свою страхующую экипировку, смотрел изо всех сил вперед. Он попытался запомнить всё: цвет неба, форму облаков, узоры полей внизу. Потому что это был не просто первый полёт – это был первый день его новой жизни, и он хотел сохранить его хотя бы в памяти, раз уж прошлое стёрто начисто.

Сначала показались бескрайние поля, засеянные какими-то травянистыми растениями, разделённые на строгие прямоугольники плодовыми деревьями. Иногда деревья окружали небольшие посёлки. Как объяснил всадник, только такая плотная посадка сельскохозяйственных растений позволяет прокормить всё огромное население столицы и её посетителей. Также деревьями прикрывались русла рек и ручьёв, используемые для полива полей и водоснабжения. Дороги, прикрытые деревьями, постепенно сбегались во все более крупные пока не перешли в широкую гравийную дорогу, ведущую в крупный город, стены домов которого уже виднелись вдали.

Против ожидания, городская застройка показалась будто из другой эпохи. На окраине были прямоугольные коробки пятиэтажных домов из кирпича и крупных камней. Чуть дальше виднелись и более высокие дома, больше похожие на практичные, но грубые башни. Некоторые будто более неряшливые и заброшенные, но несколько выделялось своей инаковостью. Макс насчитал их пять штук. Хлопнув всадника по плечу показав рукой, он сразу получил разъяснения.

– А! Увидел? Это башни магических гильдий. Вон те две, – всадник показал на ближайšie, – одна из них сияет и немного слепит белым – это башня магов жизни, у её подножия больница, там они практикуют. Рядом с ней башня, больше похожая на дерево – переросток, – это башня магов природы, вокруг неё находятся городской сад и парк с экспериментальными огородами. Правее от них, сине-золотой кристалл, вонзающийся в небо – это башня магов порядка. Следят за порядком, у подножия находятся всякие мастерские и ремесленники. Они считают, что близкое расположение таких магов помогает упорядочить работу и уменьшить поломки, а магам проще проводить свои эксперименты. Левее и дальше окутанная клубами дыма и похожая на язык пламени – башня магов хаоса. И, нет, тебе не кажется, дым там настоящий и башня все время слегка шевелится. На то они и хаотичны, но сами следят чтоб хаос людям не вредил. Их маги при пожаре или стихийных бедствиях будут первыми, кто начнёт помогать. Правда, сами частенько бывают

причиной бедствий. Мы к ним и летим, там и площадь драконов, и моя гильдия поиска. И самая дальняя – башня магов смерти, её частично закрывает купол Университета, она стоит посреди кладбища, почти у самого обрыва. Не пугайся, но она выглядит как костлявая рука, тянущаяся в небо.

Макс слушал и не верил, что всё это реально. Башня, которая шевелится. Дерево размером с небоскрёб. Костлявая рука вместо здания. Он покачал головой и подумал: «В мире, где летают драконы, наверное, и не такое бывает.» Но внутри всё равно ёкнуло, когда всадник упомянул магов Смерти.

Переливающийся купол закрывает всю территорию Университета. Не только его от внешнего мира, но и внешний мир от него. Главные ворота выходят на главную же площадь. Мы, кстати, к ней и летим. Ну, практически.

Пока всадник рассказывал, что, да как, Хар-Луу начал плавно снижаться, пролетел мимо крупного дворцового комплекса над садами, мимо главной площади, в центре которой стоял какой-то памятник. Макс не успел его рассмотреть, потому что дракон стал уже стремительно снижаться, засвистело в ушах, слезы от ветра начали слепить глаза, а во рту дракона стало разгораться такое пламя, что его жар ощущался даже на спине. Всадник прижался максимально к телу дракона, Макс тоже инстинктивно съёжился и тут Хар-Луу выдохнул вверх громадный столб пламени. Огненный столб взметнулся так близко, что Макс почувствовал жар даже через одежду. Он зажмурился, ожидая, что сейчас поджарит-

ся, но пламя ушло вверх, оставив только запах серы и озона. Внизу прозвучал гонг, а ветер в ушах вдруг резко закончился.

7.

Хар-Луу с хлопком расправил крылья и величественно приземлился на площади, ограниченной высокими каменными стенами. В некоторых местах они были вполне себе опаленными, а где-то и оплавленными. Что могло заставить камень течь как воск, Макс даже не хотел задумываться.

Тем не менее, за их приземлением наблюдали три фигуры в мантиях разного цвета. Сразу после приземления все трое

поспешили к дракону.

– А, это по наши туши, – радостно улыбаясь сказал всадник. Они волшебники, те двое в синих одеждах – маги Порядка, тебе к тому, который старше. А тот, что в короткой мантии цвета пламени и с красным ирокезом – это маг Хаоса, он тут на случай пожара или ещё какой катастрофы.

Пока всадник говорил, маги приближались. Маг Хаоса, вполне себе молодой парень, остановился на некотором удалении от вновь прибывших, перекинулся взглядом с драконом и, похоже, они оба улыбнулись. После чего маг расслабленной походкой ушёл назад. А маги в синем продолжали подходить. У мага, который был выше и моложе на вид, были острые кончики ушей и ярко-синие глаза, явно больше человеческих. Тем не менее, он уважительно вёл под руку пожилого мага с абсолютно белой бородой, который, не смотря на возраст, имел ровную осанку и живой взгляд с хитринкой, как многие пожилые смотрят на более молодых, мол, уж я-то знаю, что у тебя на уме, у самого то же самое и, если б не возраст...

Когда встречающие подошли, всадник уже спрыгнул сам, отвязал Макса, благодарно похлопал дракона и развернулся к встречающим.

– Докладываю! В режиме патрулирования был обнаружен слабый поток магии, предположительно, Природный. С Хар-Луу отклонились от маршрута и обнаружили новенького. Памяти нет, навыков выживания хватило на ожидание

помощи. Опрошен, ознакомлен, доставлен. Прошу помочь с устройством тут.

Пожилой маг осмотрел Макса как коллекционер осматривает пополнение коллекции экспонатом хоть и интересным, но уже имеющимся:

– Что ж, сынок, добро пожаловать в твой новый дивный мир. Пойдём, у твоих сопровождающих другие дела.

– Найдин, я с делами раскидаюсь и тебя найду к вечеру сам, отметим.

– Найдин? Хмммпф, пусть так. Пойдёмте, молодой человек...

Пожилой маг взял Макса за руку и потянул за собой с площади, всадник и дракон остались с магом-эльфом о чем-то тихо разговаривать. Пока шли, казалось, что они идут к просто участку стены, но подойдя ближе, Макс увидел, что каменные стены идут вовсе не сплошным кольцом окружая площадь, а стоят, немного вразнобой образуя лабиринт, так чтобы между ним можно было протиснуться. Заметив удивлённый взгляд Макса, маг снизошел до объяснения:

– Иногда могут случиться неприятности, такое расположение стен лучше глушит пламя и удобнее при установке барьера.

Пройдя несколько рядов стен, они зашли в небольшое каменное здание и оказались в уютном кабинете. Посреди кабинета стоял массивный стол со стулом, напротив него стояло крупное кресло, а вдоль стен – ухоженные стеллажи с кни-

гами, свитками и какими-то подшивками. Помещение заливал холодный свет из геометрически совершенного кристалла на потолке. В целом, помещение создавало впечатление ухоженности и упорядоченности. Маг указал Максу на кресло, сам с явным облегчением сел за стол, достал толстый журнал, макнул перо в чернильницу и поднял выжидающий взгляд на Макса. Который точно так же, сидя в кресле и держа свой посох в руках, выжидающе уставился на мага.

– Ох, ну, где мои манеры, прости старика! Слишком много работы с бумагами. Меня зовут Персивальд Стараятти, магия Порядка, 3-й круг. Или по новомодному, Эксперт магии порядка. Занимаюсь регистрацией новоприбывших. А ты, молодой человек? Всадник к тебе обратился как Найдин? А имя есть?

– Есть, но он сказал, что...

Маг неожиданно засмеялся, хоть и немного устало.

– Что нельзя говорить свое имя и вообще лучше только придуманное использовать? И да, и нет. Просто вы, проснувшиеся, разные. Кто-то владеет магией осознанно и сразу, кто-то на уровне инстинкта, а кто-то вообще нет. И обмениваться именами с человеком, кто даже сам не зная от избытка чувств может проклясть своего спасителя? Оно нашим сотрудникам не надо. Поэтому пока ты не прилетишь сюда, не покажешься мне, лучше избегать имён. Но вот он я, вот он ты и мои уши повернуты к тебе. Рассказывай, как попал на остров, как выживал, пока ждал. И чем подробнее, тем

лучше. Помнить, что было раньше, не помнишь?

Макс помотал головой отвечая на последний вопрос.

– Меня зовут Макс, проснулся от того, что неудобно лежал, и понял, что ничего не понимаю, где я и откуда.

Маг делал заметки поскрипывая пером по бумаге, а Макс будто вошёл в состояние транса и говорил уже все подряд. И как нашёл чем питаться и про свою палку, которую маг тоже почему-то называл посохом и... Да много о чем, даже о мыслях о том, как он сам собирался шагнуть с острова вниз.

В какой-то момент Макс осознал, что он у него текут по щекам слёзы, а маг, как старый заботливый дедушка его успокаивает стоя рядом со стаканом воды.

– Ну же, ну, Макс, все хорошо, ты нашёлся, тебя привезли, всё это уже позади. Что ж, давай подведём итоги. И я тебе расскажу, что делать и как жить дальше. Но сначала, есть ли у тебя вопросы? Поесть, кстати, сейчас принесут, так что спрашивай, а я, пока ешь, тебе расскажу.

Раздался тихий стук в дверь, и девушка внесла поднос с едой и напитками. Маг провёл рукой над столом, все бумаги и письменные принадлежности с него тут же исчезли, зато появилась аккуратная белая скатерть. На которую девушка ловко и выгрузила всё содержимое подноса и так же тихо и молча ушла, бросив короткий любопытный взгляд на Макса, который при виде еды уже начал истекать слюной. Придвинув кресло в ответ на приглашающий жест старого мага к столу, Макс схватился за вилку в предвкушении наконец-то

разнообразить надоевший рацион последних недель. И тут он спохватился, что именно ему не давало покоя среди последних событий.

– Погодите. А что за Университет? И что за маг был на площади в красном? Что за магия Порядка такая? Я и дракона-то до этого, уверен, не видел никогда, а что за магия это такая, я вообще без понятия!

– Аaaa. Не смотря на потерю памяти, у таких как ты всё-таки остаются некоторые воспоминания, не особо оформленные в слова, но, скажем так, опыт жизненный всё равно остаётся. Вот дома кирпичные же в пять и девять этажей тебя не смутили? Нет? Ну вот то-то. А ведь и им тут не место. Но мозг твой их помнит. Потому что это в твоей прежней жизни было нормально. А драконы и магия – нет. Вот такой вот обмен опытом. Что ж, слушай дальше.

Персивальд налил себе из принесённого кувшина полный стакан воды, сел на своё место и начал рассказ, пока Макс, еле сдерживая голодное рычание, опустошал тарелки.

– В качестве вступления, хочу пояснить, что магия – это действия, связанные с возможностью живых существ (а иногда и НЕ живых) влиять на силы природы, предметы, животных, судьбы других, подчиняя себе сверхъестественные силы или манипулируя ими с помощью заклинаний, амулетов и определённых обрядов. Если кратенько и по учебнику.

Ясно, что магия делится на различные направления. Какое-то контролирует природные стихии, какое-то позволя-

ет создавать иллюзии. Раньше так называемые школы магии делились на стихийные, божественные, разума, иллюзий, вещественную и ещё десятки, если не сотни видов, специализаций и подразделов одной в другой. Иногда даже одна и та же школа магии называлась по-разному и некоторые, гм, волшебнички, готовы были друг другу выдирать бородёнки настаивая, что именно их название самое правильное, а другие лишь жалкая пародия на истинное слово. Однако потом, уже после Катастрофы во избежание продолжений кровопролитных баталий на тему разночтений была выбрана иная систематика, которая удовлетворила хотя бы частично всех. При этом, новая система магии полностью и достаточно хорошо (лучше, чем раньше) помогла систематизировать все заклинания и даже объяснила многие вещи, которые раньше были просто исключениями или материалами на запоминание. Например, почему некроманты не могут вылечить человека от простуды, но легко могут помочь с лечением гнойных заболеваний и даже лучше чем то же самое могут маги Жизни.

В один прекрасный момент, когда на громадной конференции магов затихло даже недовольное бурчание, а дым горячих дебатов слегка рассеялся и вынесли раненых, было постановлено следующее. Отныне система школ магии будет следующей: школа Жизни, Природы, Хаоса, Смерти и Порядка. Со временем сформировалась ещё одна не совсем школа, но как направление: Техномагия. Спасибо в каком-то

смысле, твоим соотечественникам, попавшим сюда.

Чем же они занимаются эти школы, ты спросишь меня? Да каждый спрашивает. А вот тем, как и называются.

Жизни занимается жизнью во всех её проявлениях. Улучшая, заботясь о сохранении жизни, уходу за больными и прочим, утешая опечаленных, поддерживая вдохновлённых и обездоленных.

Школа Природы занимается природой во всех её проявлениях. И живой природой, и неживой и их взаимодействием. В школе Природы нашли свой приют и бОльшая часть стихийных магий, которые раньше конфликтовали друг с другом кроме, пожалуй, магии огня.

Школа Хаоса. О, мой юный друг, тут все маги немного психи. Как минимум. Или удачно прикидываются. Да, они, как мой коллега, которого ты видел, помогают во время стихийных бедствий: пожаров, землетрясений и прочего. Но они же их и могут устроить. А ещё именно магия Хаоса занимается призывом иных сущностей с других планов бытия, да и много всего разрушающего творят именно хаотики.

Школа Смерти. Её адептов не очень много в сравнении с другими школами. Имеет дело со смертью. Умерщвлением, оживлением, созданием условно-живого из когда-то живого. Адепты смерти хмурые и не особо разговорчивые, но, не смотря на смерть, окружающую их по призванию, не стоит на них навешивать ярлыки. Если бы не они, мы бы уже, может, и не жили бы. Они нас защищают от всего, что может

прийти из-за Грани НЕ-жизни. Ну, если их не злить.

Школа Порядка, к которой и я принадлежу. Мы за порядок. Во всём. Всегда. Характер такой, чего уж. Наши адепты занимаются и охраной порядка среди людей и упорядочиванием жизни. Когда надо прояснить мысли, упорядочить хаос, выстроить рабочую схему, то тебе к нам, магам Порядка. Даже тут я занимаюсь упорядочиванием сведений о вновь прибывших.

– Всадник кое-что рассказывал про школы, пока мы летели, но так подробно я и не представлял, – признался Макс.

– Ну и последние по порядку, но не важности, Техномаги. Тут всё немного запутаннее, даже, я бы сказал, переплетённее. Изначально её не было как класса. «Оживлением» големов, например, занимались мы, маги Порядка. Но потом пришли проснувшиеся и ухватились за эти все механизмы. Понаделали приборов, в которых нет ни капли магии, но они что-то делают, показывают и вообще, работают. А некоторые так ещё и работают гораздо эффективнее, должен признать, чем аналогичные у магов. Кроме того, техномаги своими приборами смогли сделать то, что до этого никто не мог сделать – они могут объединять для своей работы усилия разных, даже противоположных школ. Но это, конечно, по плечу только сильным техномагам или мощным техномагическим приборам в руках умелых техномагов.

Ах, да. Противоположные – и нет школы. Тут проще на схеме показать, вон она, на стене. Пять школ в виде пяти-

угольника, ну, или пентаграммы, каждый луч которой – это отдельная школа магии. Адепт каждой из школ может изучать обе смежные с его лучом. Маг Жизни может обращаться к Природе и Порядку, потому что жизнь и есть, по сути, упорядоченная Природа. Природы – к Хаосу и Жизни, да, потому что природа есть весьма хаотичная жизнь. Хаос стоит между Природой и Смертью. Потому что слишком много Хаоса в природе приводит почти всегда к смерти. Смерть же между Хаосом и Порядком. Потому что небытие это ни то, ни другое. Отсутствие существования. Ну и Порядок всегда разделяет Смерть и Жизнь уравнивающая и балансируя. Вот так и стоят смежные школы, пересекаясь только так.

Но противоположные школы один маг в себе совместить не сможет. Смерть противоречит Жизни с Природой, как и Хаос не даст жизни быть. Порядок не поймёт Хаос, а упорядоченная Природа завянет или превратится в кристалл. Абсолютно совершенный, но не живой.

Опять же исключение – это Техномагия. Как-то они смогли обойти запрет логики. Молнии, которые они называют электричеством, заставляют крутиться колёса. Природная стихия Воздух, весьма хаотичная, движет созданный ими Дирижабль, который, кроме того ещё и подогревается в движении хаотической стихией Огня, хотя сам выкован из кристаллизованного и упорядоченного металла. Ну и так далее. Кто-то их считает совсем чудиками, а кто-то считает, что они единственные настоящие волшебники как в древности,

а шарлатаны это мы. Кто знает?

Макс с видимым усилием прожевал очередной кусок и слегка ошалело от количества информации спросил:

– Погодите. Все эти маги, волшебники, школы... Оно мне кажется очень чужим и непонятным. Да даже полёт как-то. Ну. Впечатлил, но не показался новым. А вы тут. Хоп! Рукой и на столе уже всё другое. Как?

Старый маг улыбнулся.

– Эх, это же и есть магия. Самые простые заклинания. Ничего такого. Заклинания подобные тем, которые я использовал, доступны в той или иной форме почти всем школам. Да что там. На начальном уровне многие заклинания имеют аналоги почти во всех школах. Расхождение дальше, по мере обучения и специализации. Вот смотри внимательно.

Персивальд повернул руку ладонью вверх и на ней запылал язычок как будто бы пламени, но не красный, а чёрный.

– Это Пламя тьмы. Заклинание школы Смерти. Оно не греет. Но может испепелить. Смотри.

Маг взял другой рукой листик бумаги и поднёс к тёмному пламени. Бумага не загорелась, но сразу обуглилась и осыпалась прахом. Маг с выражением лёгкой брезгливости стряхнул всё с руки.

– Не очень такое люблю. Смерть, хоть и бумажки, есть смерть, – Макс поёжился тоже. – Теперь смотри дальше.

Персивальд так же повернул руку ладонью вверх и на ладони появился язычок синего пламени. Он был ровным и,

если бы не мерцание, казалось бы, что он неподвижен и просто как картинка на стекле.

– Это Упорядоченное пламя. Уже моя родная школа Порядка. Горит, но не греет.

Ещё одна бумажка была отдана пламени. В этот раз она покрылась изморозью, распрямилась и растворилась в воздухе.

– Кажется, что пламя горячее, но на самом деле наоборот и просто убирает хаотичность маленьких частичек, из которых всё состоит, и они перестают держаться друг за друга. Техномаги говорят: «Распыляет на атомы.» Ну и последнее.

На ладони заскакал ярко оранжевый огонёк.

– Это огонёк жизни.

Поднесённая бумажка занялась активным пламенем, а огонёк немного увеличился в размерах. Маг сомкнул пальцы и огонёк погас.

– Жизнь старается увеличиться и вырасти. Всё, что может превратить в себя, она превратит. Пламя, если его прикормить, разрастётся.

– А остальные два? Природы и Хаоса?

– А это о чём я и говорил. Они мне, магу Порядка, не сродственны. Противоположны моей натуре и сути. Не смогу я их тебе сделать. Да даже если и смогу, то очень много сил уйдёт на их создание.

– Но вы же их видели, – Макса было не остановить. – Опишите хотя бы.

– Описать? Описать могу. Природный огонёк изумрудного цвета. Светится слабо, как гнилушка. Бумажка бы сгнила просто. Ушла бы на удобрение. А что до пламени Хаоса... С ним проще всего. Красный, горячий, с безмерным аппетитом и разрастается пока есть что-то, что может гореть. Наверняка, ты его видел в своей прошлой жизни, да и тут увидишь не раз. Любая свеча, кроме специальной, будет гореть как раз таким пламенем.

Персивальд поёрзал в поисках более удобной позы, дождался, пока Макс доест и подпёр голову руками.

– Что ж, давай поговорим снова о тебе и подведём итоги.

– Так я ж всё рассказал.

– Теперь моя очередь, – Маг по-доброму улыбнулся. – Как ты рассказал, Всадник тебя посвятил, что после спасения, ты свободен. То, что ты тут у меня, это чистая формальность, больше для помощи подобным тебе. Ну и немного обезопасить наше существование, если ты вдруг оказываешься сильным волшебником, хуже если не умеющим себя контролировать. С такими мы пока не сталкивались, но всё равно настороже.

– Так что же я, совсем не смогу в магию? Это интересно вообще, ну, мне так кажется.

– Как так не сможешь? Почему? Если ты не волшебник, то и что? Ну нет врождённого умения у тебя управлять магическими потоками и творить осознанно с рождения заклинания, ну и десятка поколений предков-волшебников. Но это

не значит, что ты не можешь научиться, тем более что у большинства всё равно есть сродство с какой-то школой магии. Вот, в докладе было, что Хар-Луу почувствовал тонкий поток магии Природы. А тут уже и логика работает. В пустоте, между островами никто не будет использовать магию Природы. Некому, точнее. Значит, от твоего островка шла.

– Их там два рядом.

– А! Тот, сдвоенный... Повезло тебе, парень, реально повезло! Там редко патрули проходят. Островки маленькие, по пальцам одной руки дровосека можно посчитать, сколько там всего людей находили. Ну и из магии там только два «якоря» торчат. Так что творил ты. От испуга или нужды, но подсознательно, тебе именно Природа сродственна. Может, и не она одна. Так что у тебя как минимум, три варианта есть по магии, три, так сказать, пути: Природа, Жизнь или Хаос. Но характер у тебя не огненный, вроде. Хотя, кто знает. Ладно, как ты бы хотел, чтобы к тебе тут обращались? Ну там, имя, фамилия...

– Максим... Эээ... Да пусть будет Найдин. Да, Максим Найдин.

Маг обмакнул перо в чернильницу, что-то написал на бумаге и, откинувшись на спинку стула, дёрнул за верёвочку, висевшую у него за спиной. В дверь зашёл тот самый эльф, который сопровождал мага и остался с Всадником и драконом, голубой плащ он снял и теперь оставался в голубой жилетке поверх белой рубашки и в бело-голубых штанах, похо-

жих на фирменные. Забрал исписанные листы из рук Персивальда, дождался кивка от мага и, бросив взгляд на Макса, скрылся в дверях.

– Сейчас тебе сделаем документы, выдадим, так сказать, имперские подъёмные для начала твоей новой жизни, ещё пару бумаг, и ты свободен. По бумагам, ты можешь жить в гостинице бесплатно месяц. Она тут, рядом, напротив выхода, чуть правее. Заметишь сразу. Мой тебе совет. Зайди в банк, он за гостиницей, положи там деньги на свой счёт, а уже потом заселяйся в неё. Поживи, погуляй по столице, пооботрись в новой обстановке, купи одежду, в конце концов, скоро осень. Поверь, подъёмные быстро кончатся, хотя кажется, что их много. Жить с нуля начинать всегда дорого. И последнее – не лезь в неприятности. Что ж. Был рад тебя приветствовать у нас. А тепер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.